

Е.И.Рублевская¹, С.В.Телепень²

¹ кандидат медицинских наук, директор учреждения образования
«Мозырский государственный медицинский колледж»
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

² доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики
преподавания истории МГПУ им. И.П.Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ТЕМА КОНЕЧНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО БЫТИЯ В ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Признанные классики латинской литературы – римские поэты – в своих произведениях демонстрируют неизменный интерес к теме жизни и смерти, проблеме физического бытия. Сказанное в равной мере относится к Катуллу, Горацию, Проперцию, Тибуллу, Овидию. Их сочинения и

послужили для нас той источниковой базой, на основании анализа которой мы попытались выяснить отношение выразителей римского мироощущения к проблемам жизни и смерти. Особое внимание здесь должно быть уделено Катуллу и Горацию. Первый – выразитель настроений, вкусов, житейской философии не только «золотой молодежи», но и достаточно широких слоев римского общества, прежде всего городского [1, с.135], второй – рано приобрел значение непререкаемого авторитета, классика, ставшего таковым еще при жизни [2, с.20].

Тема конечности физического бытия, проходит красной нитью через все творчество Горация, о чем мы еще будем говорить ниже. Но для начала отметим, что его старший современник Катулл, наиболее читаемый вплоть до Нового времени римский поэт, предпочитал эту тему обходить [3, с.155]. Его стихотворение на смерть ручного воробья, принадлежавшего возлюбленной, пародирующее форму ритуального плача, выглядит скорее шутливым, нежели трагическим: «А теперь он идет дорогой темной, по которой никто не возвращался» (*Catullus*3). Смерть воробья – лишь повод поэта напомнить своему адресату (Лесбии) о себе, что по-настоящему могли оценить лишь наиболее искушенные в поэзии читатели – *homines venustiores*. Вместе с тем, Катулл не смог обойти тему смерти в самом большом из своих стихотворений – эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды» (*Catullus*64). Это – гибель Эгея, погребение героев Троянской войны, принесение в жертву Поликсены. Но обо всем этом поэт говорит отстраненно: гибель мифологических героев не вызывает у него бурных эмоций. К тому же о гибели троянцев и Поликсены поют в пророческой песне богини Парки, что должно было означать в творческом замысле поэта предопределенность происходящего.

Непосредственно со смертью Катулл соприкоснулся в своей жизни по крайней мере дважды: когда он лишился брата, скончавшегося в поездке по Востоку, и когда у его друга Кальва умерла жена. По поводу последнего Катулл написал короткую утешительную эпиграмму (*Catullus*96). Смерть брата стала для Катулла тяжелым потрясением. «Вместе с тобой погребен весь наш дом; вместе с тобой погибли все наши радости»; «Песни печальные петъ стану о смерти твоей», – заявляет он в посланиях к друзьям: Аллию (*Catullus*68, 22–23) и Горталу (*Catullus*65, 12). Оба послания написаны, по всей видимости, в Вероне, куда поэт, узнав о кончине брата, приехал из Рима, чтобы в родном доме разделить скорбь с близкими ему людьми.

Спустя два или три года в 56 г. до н. э. Катулл посетил могилу брата неподалеку от древней Трои. По римскому обычаю он совершил на могиле надгробное возлияние, написав об этом стихотворение в традиционной форме эпитафии (*Catullus*101). Этот эпизод вкупе с некоторыми другими дал основание М. фон Альбрехту приписывать Катуллу «Мрачное

восприятие своей эпохи» [4, с.378]. Тем не менее существенно, что таких слов, как *mors*, *letum*, Катулл старается не употреблять. Обращаясь в минуту уныния к своему другу ученому ритору и писателю Квинту Корнифицию, он ждет от него слов утешения «печальнее плачей Симонида» (*Catullus*38), лишь намекая на надгробные «френы» греческого лирика VI–V вв. до н.э. Симонида Кеосского (Ср. *Horatius Carmina* II. 1. 38).

Существительное *mors* у Катулла встречается крайне редко, причем четыре раза в ученом эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды» (*Catullus* 64, 102; 188; 247; 362), там же дважды употреблено слово *letum* (*Catullus* 64, 149; 187). В упомянутом послании к Аллию дважды появляется существительное *mors* (68, 4; 19) и один раз – *letum* (*Catullus*68, 91). У Катулла слово «смерть», как правило, не имеет при себе эпитетов. Исключения единичны: *fraterna mors* «братнина смерть» (*Catullus*68, 19), *mors immatura* «безвременная смерть» (*Catullus*95, 6), *letum miserabile* «плачевная смерть» (*Catullus*68, 91). Оригинальности, как можно убедиться, Катулл здесь не проявляет. Катулл избегает не только существительного *mors*, но и однокоренных с ним слов. Прилагательные *mortua* (*Catullus*64, 153), *semimortua* (*semimortua membra* «полумертвые [от усталости] члены») (*Catullus* 50, 15), *moribunda* «смертоносная» (по отношению к Пизавре, городу с нездоровым климатом) (*Catullus*83, 3), а также причастия *moriens* (*Catullus*68, 21), *mortuus* (*Catullus*68, 48) встречаются у него лишь по одному разу. В эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды» Катулл трижды употребляет в субстантивированном значении прилагательное *mortalis* (*Catullus*64, 17; 168; 385), где «смертные» противопоставлены богам, например: *viderunt mortales nymphas* «увидели смертные [люди, не боги] нимф» (*Catullus*64, 17).

Глагол со значением «умирать» в личной форме у Катулла встречается нечасто: по отношению к сочинению «Анналы» незадачливого писателя Волузия (*morientur* «да сгинут» – *Catullus*95, 7), воробью Лесбии (*mortuus est* «умер» – *Catullus*3, 3) и по отношению к самому себе: «Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?» (*Catulle, quid moraris emori?* – *Catullus*52, 1 и 4 – пер.С.В. Шервинского). Но эти трагические ноты появляются у Катулла лишь в кризисные для поэта 55–54 гг. до н. э. (в конце его творческого пути) и не могут считаться характерными для его образа мыслей. Можно еще указать на композит *letifer* «смертоносный» все в том же эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды».

Таким образом, лексику, связанную с понятием «смерть», Катулл использует относительно редко: на 2309 стихов всего 37 случаев, учитывая лексику, связанную с погребением (*sepulcrum* «могила»: *Catullus* 64, 368; 68, 89 и 97; 96, 1; *sepultum*: 68, 22 и 99; *funus*: 64, 83; 349 и 401; *funesta*: 64, 246): 17 – в эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды», состоящем из 409 стихов;

9 – в послании «Каллию», состоящем из 160 стихов, и 11 случаев в остальных стихотворениях. Не удивительно, что в нашем восприятии латинской поэзии, Катулл скорее насмешливо дерзкий, нежели скорбящий: *lascivus* «шаловливый», «игривый», как его определил поэт Секст Проперций (*lascivis cripta Catulli* «сочинения игривого Катулла» – *Propertius* 3, 34, 87), а затем автор популярных эпиграмм Марциал (*lascivam verborum veritatem* «игривая правдивость слов» – *Martialus* I *praef.* 11).

Показательно, что две трети рассмотренных случаев приходится на два больших стихотворения – 64 и 68. Послание «К Аллию» написано не в Риме, а, как уже говорилось, в Вероне. Можно допустить, что и эпиллий «Свадьба Пелея и Фетиды» был создан в непривычной для Катулла обстановке, вероятнее всего, в Вифинии, где Катулл находился в 57–56 гг. до н. э. в свите наместника этой провинции сенатора Гая Меммия. Оторванный от общества римской столичной молодежи и дружеского кружка поэтов, тоскующий по пирушкам с друзьями, спорам о поэзии, по оставленным в Риме подругам, Катулл пишет в несвойственной ему манере длинные т. н. «ученые поэмы» «Аттис» (*Catullus*63), «Коса Береники» (*Catullus*66), «Свадьба Пелея и Фетиды», между тем как его бурная жизнь столичного повесы выплескивалась в коротких стихотворениях, в которых нет места размышлениям о смерти, как в одах Горация, склонного к уединенной созерцательной жизни.

Можно сказать, что тема конечности физического бытия человека в творчестве Катулла является маргинальной и никак не характеризует общих установок поэта, но мировоззрение Горация во многом определяется его отношением к смерти, о которой, насколько можно судить, он помнит всегда. Мотив быстротекущего времени едва ли не главный в лирике Горация. «Время ж завистное мчится» (*fugerit invida aetas* – *Horatius Carmina* I, 11, 7 – пер. С.В. Шервинского); «Время жестокое бежит» (*currit ferox aetas* – *Horatius Carmina* II, 5, 13–14 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского); «Летучие года уходят» (*fugaces labuntur anni* – *Horatius Carmina* II, 14, 1–2 – пер. Ф.Е. Корша); «В цветах весенних вечной нет прелести» (*non semper idem floribusest honor vernis* – *Horatius Carmina* II, 11, 9–10 – пер. Г.Ф. Церетели); «Жизнь коротка» (*brevi aevo* – *Horatius Carmina* II, 16, 17); «Всеразрушающее время» (*dies damnosa* – *Horatius Carmina* III, 6, 45; ср. *Tempus edax rerum* «всепожирающее время» – *Ovidius Metamorphoses* XV, 234.); «Бегущее время» (*fugiens hora* – *Horatius Carmina* III, 29, 48). Гораций настаивает – итог для всех один: «Полезы тебе никакой не приносит || То, что эфира обитель исследовал ты и все небо || Мыслью обегал, насмерть обреченный» (*nec quicsquam tibi prodest* || *aerias temptasse domos animoque rotundum* || *percurrisse polum morituro* –

Horatius Carmina I, 28, 6 – пер. Н.С. Гинцбурга); «К ночи уходим мы все и к могиле» (*omnis una manet noxet calcanda semel via leti* – *Horatius Carmina* I, 28, 15–16 – пер. Н.С. Гинцбурга); «Меж тем нежданная погибель || Схитила многих схитит» (*sed inprovvisa leti || vis rapuit rapietque gentis* – *Horatius Carmina* II, 13, 19–20 – пер. Г.Ф. Церетели); «летучие || Года уходят, и благочестие || Морщин и старости грозящей || Не отдали всесильной смерти» (*labuntur anni nec pietas moram rugis et instant senectae adferetindomitaeque morti* – *Horatius Carmina* II, 14, 2–4 – пер. Ф.Е. Корша); «могила || ждет тебя разверстая» (*Horatius Carmina* II, 18, 18–19 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского); «И главы из петли смертной не вызволишь» (*non mortis laqueis expedites caput* – *Horatius Carmina* III, 24, 8 – пер. Г.Ф. Церетели) и как заключительный аккорд – «Ты же бессмертья не жди» в четвертой книге од (*inmortalia ne speres* – *Horatius Carmina* IV, 7, 7 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского).

В поэзии Горация жизнь и смерть неразрывно соединены, потому что Фортуна может «и гордые триумфы || В плачь обратить похоронный» (*de gradu || mortale corpus vel superbos || vertere funeribus triumphos* – *Horatius Carmina* I, 35, 3–4 – пер. Н.С. Гинцбурга). Смерть – это напоминание о скоротечности жизни, отсюда призыв Горация «лови день» (*carpe diem* – *Horatius Carmina* I, 11, 8), наслаждайся каждой дарованной тебе минутой (*Horatius Carmina* III, 8, 27). Смерть – это загробное наказание за совершенные злодеяния. Наконец, смерть – это напоминание о недолговечности земной славы.

Однако при мысли о конечности физического бытия Гораций не испытывает панического страха: он живет полной жизнью, следуя принципу «золотой середины». Смерть, по мысли поэта – это естественный закон природы, общий для всех живых существ, это – то, с чем должен примириться каждый. И здесь позиция Горация существенно отличается от того, на чем стоит Катулл, для которого внезапная смерть брата – это нарушение привычного порядка вещей. Для Катуллы смерть не предмет для размышлений, как для Горация. Последний создает художественный образ смерти: он ее персонифицирует – она спешит ко всем, не разбирая, беден ли ты или богат. «Бледная ломится смерть одной все и тою же ногою || В лачуги бедных и в царей чертоги» (*Pallida Mors aequo pulsat pede pauperumtabernas || regumque turris* – *Horatius Carmina* I, 4, 13–14 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского).

Для обозначения смерти Гораций использует то метафору (*perpetuus sopor* «вечный сон» – *Horatius Carmina* I, 24, 5; *nox* «ночь» – I, 28, 15 (ср. *Catullus* 5, 6); *dira Necessitas* «жестокая Необходимость» – *Horatius Carmina* III, 24, 5), то метонимию: «Прозерпина || Злая ничьей головы не минует» (*nullum || saeua caput Proserpina fugit* – *Horatius Carmina* I, 28, 19–20 – пер. Н.С. Гинцбурга). Иногда он говорит о

смерти иносказательно, прибегая к перифразе: «Мы же, когда низойдем || В вечный приют... || Будем лишь тени и прах» (*nos ubi decidimus || ... puluis et umbra sumus* – *Horatius Carmina* IV, 7, 16–17 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского); «и вот он – || В вечность изгнанный челнок перед нами» (*e t nos in aeternum || exilium impositura cumbae* – *Horatius Carmina* II, 3, 28 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского). Часто синонимами смерти у него служат имена богов Прозерпины, Либитины, Орка (т.е. Плутона) и некоторых других: «Ты беспощадного жертва Орка» (*victima nil miserantis Orci* – *Horatius Carmina* II, 3, 24 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского; ср. *Horatius Carmina* III, 27, 50: *Orcum* – это *mors*); «вернее нет || Дворца, что ждет у жадного Плутона» (*Nulla certior tamen || rapacis Orci fine destinata* – *Horatius Carmina* II, 18, 29–32 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского); «Нет, не весь я умру! Лучшая часть моя || Избежит похорон» (буквально – Либитины) (*Non omnis moriar multaque pars mei || vitabit Libitinam* – *Horatius Carmina* III, 30, 6–7 – пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского). Меркурий у Горация не только изобретатель лиры, но и проводник душ в царство мертвых (*Horatius Carmina* I, 10, 17–18; ср. *Horatius Carmina* I, 24, 16–18). Нередко существительное *mors* сопровождается у него выразительными эпитетами, например, *pallida* «бледная» (*Horatius Carmina* I, 4, 13), *indomita* «неумолимая» (*Horatius Carmina* II, 14, 4), *atra* «мрачная» (*Horatius Carmina* I, 28, 13). Для сравнения, Катулл в данном случае на эпитеты скуп.

Известно, что Гораций видел смерть воочию в двухдневном бою при Филиппах в 42 г. до н. э. Он ощутил дыхание смерти, когда в первый день марта его чуть не убило рухнувшее рядом с ним дерево: «Я Прозерпины царство суровое || Чуть не узрел» (*paene furuae regna Proserpinae || ... vidimus* – *Horatius Carmina* II, 13, 21–22 – пер. Г.Ф. Церетели).

Оды Горация насыщены мифологическими именами и названиями. Поэт часто упоминает богов подземного мира: владыку царства мертвых Орка (Плутона) и его супругу Прозерпину, перевозчика теней умерших в преисподней Харона, трехголового пса Цербера, охраняющего выход из Аида, судью над мертвыми Миноса и преступников, томящихся в Тартаре: Пирифоя, его отца Иксиона, Тития, Тантала, Сизифа, Данаид. Упоминаются реки подземного мира – Коцит, Лета, Стикс, Ахеронт. Верит ли Гораций в описываемый им загробный мир? Назвавший себя «Эпикурова стада поросенком» (*Horatius Epistulae* I, 4, 15–16), он должен был разделять взгляды римского популяризатора учения Эпикура поэта Лукреция, который в поэме «О природе вещей» недвусмысленно заявил: «Значит, ни чувства, ни жизнь без тела для душ невозможны» (*haud igitur per se possunt sentire neque esse* – *Lucretius De rerum natura* III, 633 – пер. Ф.А. Петровского); «Вот почему неизбежно признать, что с кончиною

тела, || Всюду расторжена в нем, и душа одновременно гибнет» (*quare, corpus ubi interiit, periisse necessest* || *confiteare animam distractam in corpore toto* – *Lucretius De rerum natura* III, 798–799 – пер. Ф.А. Петровского); «С нами не может ничто приключиться по нашей кончине» (*scilicet haud nobis quicquam, qui non erimus tum* – *Lucretius De rerum natura* III, 840 – пер. Ф.А. Петровского).

Гораций задумывается о смерти не как исследователь материального мира, а как человек, склонный считаться со слабостями и заблуждениями себе подобных. Его житейская мудрость внушает слушателям и читателям полное доверие. Ему, конечно, было известно мнение Юлия Цезаря, сказавшего о смерти так: «Смерть – отдохновение от бедствий, а не мука; она избавляет человека от всяческих зол: по ту сторону ни для печали, ни для радости места нет» (*eam cuncta mortalium maladissolvere; ultra neque curae neque gaudio locum esse* – *Sallustius Catilinae conjuratio*, LI, 20 – пер. В.О. Горенштейна). Ужас, который испытывают люди перед загробным миром, нелеп. Нет никакого Ахеронта, нет ни Тантала, ни Тития, ни Сизифа, нет несчастных Данаид и Цербера, и самого Тартара нет, утверждает Лукреций (*Lucretius De rerum natura* III, 978–1023).

У Горация подземный мир и связанные с ним мифические персонажи – это всего лишь поэтические образы, которые сообщают его поэзии необходимую образность. С примитивной верой римского обывателя здесь нет ничего общего, как, впрочем, и с прагматичностью Овидия, заявляющего: «Выгодны боги для нас, – коли выгодны, будем в них верить» (*expedit esse deos et ut expedit esse putemus* – *Ovidius Ars amatoria* I, 637 – пер. М.Л. Гаспарова). Томящиеся в преисподней преступники в одах Горация олицетворяют собой качества, несовместимые с традиционной римской добродетелью, – коварство, сластолюбие, вероломство, клятвопреступление, предательство, обман и др. Мысли о смерти придают поэзии Горация, размышляющего о жизни и о себе, повышенную напряженность и целенаправленность.

Смерть Гораций не поэтизирует. Он говорит о ней как человек, хорошо знающий цену жизни. Никто не в состоянии избежать смерти, но память о человеке сохраняется в его делах. Так Гораций приходит к мысли о бессмертии, которая двумя десятилетиями раньше волновала Цицерона, написавшего в 44 г. до н. э. трактат «О государстве». Но Цицерон решает этот вопрос несколько неожиданно для практика, каким он хотел быть в жизни. Следуя стоической концепции Панетия и Посидония, Цицерон твердо убежден в бессмертии души (*Cicero De re publica* VI, 26). Он не может не думать о неотвратимости смерти. Надежду на посмертную славу он ищет в философии. Воспользовавшись стоической идеей, согласно которой существующий мир по истечении длительного цикла уничтожается и рождается заново, он противопоставляет непрочность

земной славы, ограниченной во времени и пространстве, долговечности славы небесной, выходящей за пределы любого цикла существования Вселенной. Именно к такой славе, и только к ней, должен стремиться каждый человек. В «Сновидении Сципиона», заключительной части трактата «О государстве», Цицерон рассказывает об особо избранных, тех, кто неустанно трудится для блага и величия своего Отечества: их ждет бессмертие и вечное блаженство в космических просторах, в сверкающих пределах Млечного Пути: «Всем, кто сохранил Отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство (*Cicero De re publica* VI, 13). Таким образом представляет свое бессмертие политический деятель Цицерон. Впрочем, следует заметить, что весьма авторитетный исследователь литературного наследия Цицерона П. Грималь, отмечая литературные таланты Цицерона, его роль в развитии латинского языка, все-таки отмечал узость кругозора Цицерона как мыслителя [5, с.490]. В ином свете предстает Гораций. Хотя он мыслит как поэт, но философская глубина его восприятия категорий человеческого существования гораздо больше, чем то, чего в отношении философского познания достиг Цицерон.

Таким образом, можно заключить, что тема конечности физического бытия играет в латинской литературной традиции, наиболее ярко представленной римскими авторами, роль философского конструкта, позволяющего приведенным авторам мобилизовать как религиозно-мифологический опыт греко-римского мира, так и накопленное богатство совокупной античной литературной традиции. Очевидно, что обращение к теме пограничных категорий человеческого бытия для классиков латинской литературы – это средство усилить эмоциональное воздействие на читателя и в итоге – заставить его задуматься о вечных ценностях, очевидным образом оттеняемых мыслями о физическом небытии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дуров, В.С. История римской литературы / В.С. Дуров. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2000. – 624 с.
2. Дуров, В.С. Поэт золотой середины / В.С. Дуров // Гораций. Сочинения. – СПб.: Биографический институт – Студия биографика, 1993. – С.5–20.
3. Гаспаров, М.Л. Поэзия Катулла / М.Л. Гаспаров // Катулл Гай Валерий Веронский. Книга стихотворений. – М.: Наука, 1986. – С.155–207.
4. Альбрехт, М. История римской литературы / М. Альбрехт / Пер. с нем. А.И. Любжина. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А.Шичалина, 2002.: в 3 т. Т.1. – 704 с.
5. Грималь, П. Цицерон / П. Грималь / Пер. с фр. Г.С. Кнабе, Р.Б. Сашиной. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 544 с.